

**ПАМЯТНИКИ
ПИСЬМЕННОСТИ
ВОСТОКА**

СХХV, 1

Серия основана в 1965 году

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН

ХУАНЬ КУАНЬ
СПОР
О СОЛИ И ЖЕЛЕЗЕ
(ЯНЬ ТЕ ЛУНЬ)

Том I

Перевод с китайского,
введение, комментарий и приложения
Ю.Л.Кроля

Москва
2001

УДК 94(3)
ББК 63.3(5Кит)
Х-98

*Издание (т. I, II) осуществлено при финансовом участии
Фонда международного научного обмена Цзян Цзин-го*

Редакционная коллегия серии
«Памятники письменности Востока»

*О.Ф.Акимущин (и.о. председателя), С.М.Аникеева, С.С.Аревшатян,
Г.М.Бангард-Левин (зам. председателя), В.Н.Горегляд, Д.В.Леоник,
Дж.В.Каераманов, У.И.Каримов, Е.И.Кычанов, Л.Н.Меньшиков,
Е.П.Метрели, Э.Н.Темкин (отв. секретарь),
А.Б.Халидов, К.Н.Юзбашян*

Ответственный редактор профессор *Л.П.Делюсин*

Редактор издательства *Р.И.Котова*

*Памяти моих родителей —
Александры Ефимовны Кроль
и Льва Соломоновича Гальперина*

Хуань Куань
Х-98 Спор о соли и железе (Янь те лунь). Т. I. Пер. с китайского, введ., коммент. и прил. Ю.Л.Кроля. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. — 407 с. (Памятники письменности Востока. СХХV, 1).
ISBN 5-02-018265-6
ISBN 5-02-018173-0

В древнекитайском памятнике, важнейшем источнике сведений об идеологии, истории и культуре Западной Хань (II—I вв. до н.э.), в форме дискуссии (спора) приведены точки зрения высших чиновников и представителей образованной элиты по многим политическим и экономическим проблемам, в частности по вопросу о значении государственной монополии на производство железа и добычу соли.

Издание выходит в двух томах. В первый том вошли введение, перевод 12 глав, комментарий и библиография. Второй том включает перевод 48 глав (13–60), комментарий, библиографию, указатели и резюме на английском языке, представляющее собой сокращенное изложение теоретической части исследования.

ББК 63.3(5Кит)

© Ю.Л.Кроль, пер. с китайского,
введ. и коммент., 1997, 2001
© Издательская фирма
«Восточная литература» РАН, 2001

ISBN 5-02-018265-6
ISBN 5-02-018173-0

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
I. Создание «Спора о соли и железе» и его предыстория	7
Примечания	23
II. «Спор о соли и железе» как памятник китайской культуры	28
Примечания	112
СПОР О СОЛИ И ЖЕЛЕЗЕ (ЯНЬ ТЕ ЛУНЬ)	129
СВИТОК 1	131
Глава 1. Основные суждения	131
Глава 2. Усердно пахать	137
Глава 3. Пустить в обращение то, что имеет [народ]	141
Глава 4. Литые монеты	146
Глава 5. Запрет пахарям	149
Глава 6. Восстановить древние [порядки]	152
СВИТОК 2	157
Глава 7. Осуждение [Шанского] Яна	157
Глава 8. Чао Цю	163
Глава 9. Язывительная критика могущественных	164
Глава 10. Язывительная критика в ответ	168
Глава 11. Обсуждение конфуцианских ученых	173
Глава 12. Озабоченность границами	177
Комментарий	181
Глава 1	183
Глава 2	222
Глава 3	236
Глава 4	250
Глава 5	264
Глава 6	274
Глава 7	291
Глава 8	306
Глава 9	311
Глава 10	321
Глава 11	340
Глава 12	354
Приложения	365
Библиография	367
Список сокращений	395
Иероглифы к тексту введения и комментария	397

ВВЕДЕНИЕ

I

СОЗДАНИЕ «СПОРА О СОЛИ И ЖЕЛЕЗЕ» И ЕГО ПРЕДЫСТОРИЯ

Сочетание «соль и железо» (*янь те* [1]*), встречающееся на страницах истории Западной Хань [1а], вошло в название одного из написанных в то время трактатов — «Спор (или рассуждение) о соли и железе» (*Янь те лунь* [2]) Хуань Куаня [3] (I в. до н. э.). Название это отнюдь не исчерпывает содержания трактата; тем не менее вопрос о казенных монополиях на «соль и железо» занимает там достаточно важное место, а это позволяет рассматривать трактат в ряду выступлений против этих монополий при Западной Хань.

Обе монополии были введены в 119 (согласно гл. 30 «Ши цзи [4]») или в 117 (согласно гл. 24Б «Хань шу [5]») г. до н. э.¹ Инициаторами этого явились «помощники великого земледельца», выдавшие соль и железом, — Кун Цзинь [6] и Дунго Сянь-ян [7], чьи соображения о подведомственных им делах были представлены трону «великим земледельцем» в этом году. Текст доклада гласил: «Горы и моря суть хранилища Неба и Земли, и те и другие должно было бы подчинить малому казначею, но Ваше Величество бескорыстны и [поэтому] подчинили их великому земледельцу, чтобы помочь [исполнить послушания от] налогов. Желательно, чтобы [вы] набирали простолодинов, которые сами [добровольно] обеспечат свои [производственные] расходы и станут, пользуясь казенными орудиями, производить вырку соли, а казенные учреждения (т. е. правительство, — Ю. К.) давали бы им прочные котлы для этой варки. [Купцы] — несчастные простолодины, кормящиеся второстепенным [занятием], — хотят монопольно завладеть обильными ресурсами гор и морей, чтобы связать богатство и заставить служить себе на пользу мелкий люд; невозможно выслушать все их суждения, которые [направлены против государственных монополий на соль и железо и] расстраивают [эти казенные] дела. У тех, кто осмелится частным образом отливать утварь и орудия из железа и варить соль, [надлежит] заковать в ножные железа левую ногу, конфисковать и

* Цифры, заключенные в квадратные скобки, обозначают иероглифы китайского текста, которые находятся в разделе приложений.

взять [в казну] их орудия. В округах, которые не поставляют железа, [следует] создать малые казенные учреждения, [ведущие] железом [и занимающиеся литьем старого металла], и для удобства подчинить [их властям тех] уездов, где они будут находиться.² После представления доклада Кун Цзиню и Дунго Сянь-яну было приказано приступить к организации казенных монополий на соль и железо. И почти сразу же возникла оппозиция этой форме государственного вмешательства в экономику.

Если датировать доклад о введении казенных монополий на соль и железо на основании «Хань шу», то оппозиция им началась в тот же год. Действительно, уже в 117 г. до н. э.³ «ученый обширных знаний» Сюй Янь [8] вместе с «учеными обширных знаний» Чу Таем [9] и другими был послан в инспекционную поездку по округам и удельным государствам. В их обязанности входило доносить о таких богатых частных стяжателях, правителях округов и «канцлерах» удельных владений, которые действуют во имя личной выгоды и чинят вред казне, оказывать помощь несчастным, выдвигать учителей для простого народа из числа «трех старцев» и людей, «почтительных к родителям и уважающих старших», рекомендовать двору «благородных мужей выдающегося поведения», а также представлять «кандидатуру» и «сановнику-императорскому секретарю» свои соображения о том, что полезно жителям округов и удельных государств.⁴ Общей задачей посланных было инспектирование «нравов и обычаев» и, видимо, «распространенных [упалочных] обычаев».⁵

Как сообщает «Хань шу», во время своей поездки Сюй Янь «ложно сошелся на государев декрет, побудил [жителей удельных] государств Цзяолун [10] и Лу [11] лить [металл], раздувая огонь кузнечными мехами, [и производить] соль и железо». Из дальнейшего повествования можно заключить, что он «упразднил» монополии на соль и железо в обоих удельных государствах, позволил лить металл, дабы обеспечить простоплодинов орудиями в весеннюю страду, и что, действуя недозволенным образом, он следовал чаяниям народа ради личной славы.

«Сановник-императорский секретарь» Чжан Тан обвинил Сюй Яня в «ложной селке на государев декрет и причинении великого вреда», за что тому грозила казнь. Оправдываясь, Сюй Янь утверждал, что, согласно принципу «Весен и осеней» (*Чунь цю* [12]), «если сановник выезжает за границы [государства и у него] есть что-то, чем можно обеспечить спокойствие алтаря духов земли и проса и сохранение тьме простоплодинов, то самоуправство уместно». Дело было передано на рассмотрение чиновнику Чжун Цзюню [13]. Тот отверг довод Сюй Яня, в частности, указав, что, в отличие от древности, когда существовали разные государства удельных правителей и в определенных случаях было уместно самоуправство, «ныне Поднебесная является единой, [на пространстве в] 10 000 ли такие же

нравы, поэтому, [согласно принципу] „Весен и осеней“, „истинный царь ничего не считает внешним“; почему же [Сюй] Янь, который, инспектируя, объезжал земли в [пределах] границ, приводит [слова о сановнике, что] вышел за границы [государства]?»

В конце концов Сюй Янь признал себя виновным, и Чжун Цзюнь доложил трону, что преступник «ложно сошелся на государев декрет и действовал самоуправно». Казнь Сюй Яня все же не состоялась.⁶

Сюй Янь — первый известный нам человек, выступивший против монополий на соль и железо. Существовало, что это чиновник, по долгу службы озабоченный состоянием «нравов и обычаев», и что это конфуцианец, ученик знаменитого конфуцианского ученого из Лу господина Шэни (Шэнь-гуна [14]).⁷ О его философских взглядах можно высказаться и более определенно по тому объяснению, которое он дал своему самоуправному поступку: оно заимствовано из арсенала школы Гунъян [15] комментаторов «Весен и осеней»; формулировка принципа допустимости «самоуправства» сохранилась и в «Гунъян чжуань [16]» («Комментарий Гунъян»), и в труде крупнейшего теоретика этой школы Дун Чжун-шу [17] (179?—104? гг. до н. э.)⁸.

Сравнение высказываний Сюй Яня и Чжун Цзюня позволяет выявить различие между пространственными представлениями противника монополий на соль и железо и представителя официальной точки зрения. Сюй Янь делит пространство империи на две разнородные части — находящуюся под непосредственным контролем ханьского монарха, где невозможно «самоуправство» сановника, т. е. действуют приказы и законы императора, и лежащую за ее «границами» (земли удельных государств), где таксо самоуправство при определенных условиях возможно и, следовательно, императорские приказы и законы не действуют или, по крайней мере, действуют не всегда.⁹ Иными словами, он исходил из представления о неодинаковом отношении китайского монарха к разнородным частям империи. За таким партикуляризмом явно стоит противопоставление своего государства другим китаяским государствам времен удельной системы.

Как и Сюй Янь, Чжун Цзюнь, прошедший ученичество у «ученого обширных знаний», основывает свои соображения на формуле «Гунъян чжуань». В его случае эта формула «истинный царь ничего не считает внешним».¹⁰ Но если формулировка принципа «самоуправства» связана с тенденцией к партикуляризму, то формула «ничего не считать внешним» связана с противоположной тенденцией — к универсализму — внутри той же самой комментаторской школы Гунъян.¹¹ Чжун Цзюнь подчеркивает единство и однородность Поднебесной, одинаковое отношение императора к ее пространству, что более соответствует идее централизованной бюрократии.

тической империи. Таким образом, пространственные представления противника монополий отличает партикуляризм, а представителя официальной точки зрения – универсализм, причем оба основываются на «Гуньян чжуань».

Второе известное нам выступление против монополий на соль и железо датируется [11] г. до н. э. Как докладывал в этом году трону «сановник-императорский секретарь» Бу Ши [18], «округа и [уездные] государства по большей части не считают полезным, что „начальник столичного уезда“ (т. е. императорское правительство) производит соль и железо, [так как] орудия из железа непрочны и дурного качества, цена на них дорога, некоторые [чиновники] насильно заставляют простой люд покупать их»¹². Этим и предложением отменить антикупеческий налог на лодки Бу Ши вызвал недовольство императора У-ди, чему в конце концов был обязан служебным понижением в 110 г. до н. э.¹³ В этом же году он выступил против политики государственного вмешательства в сферу торговли, в первую очередь против институтов, ведающих «уравниванием перевозок [налоговых поступлений]» и «выравниванием уровня (т. е. стандартизацией) [цен]», насаждавшихся «главным военным начальником, ведающим зерном» Сан Хун-яном [19], а также, возможно, и против казенных монополий (являвшихся, в частности, торговыми монополиями)¹⁴. При этом он подчеркнул, что Небо, посылая засуху, выражает неодобрение политики такого государственного вмешательства в экономику: «„Начальник столичного уезда“ (т. е. императорское правительство. — *Ю. К.*) должен кормить лишь [тем, что дают] налоги *чзу* [20], и оцевать только [то, что дают] налоги *шуй* [21]»¹⁵. — и все. Нынче [Сан] Хун-ян приказал чиновникам сидеть в лавках-мастерских торговых рядов на рынке, продавать товары и домогаться выгоды. Сварите Хун-яна живым, и тогда Небо пошлет дождь»¹⁶.

Бу Ши был пастухом, человеком сравнительно малообразованным, и нельзя приравнивать его взгляды к философии ученого начетника. Однако по тому немногому, что известно о нем, создается впечатление о близости его взглядов и поведения к конфуцианским моделям: сам он был предан долгу подданного и считал, что достойному человеку (сановнику) подобаet принять смерть во имя долга; у него было твердое убеждение, что богатство (которым он сам не раз в жизни с легкостью поступался во имя частной благотворительности или блага государства) есть не самоцель, а средство, с помощью которого средний (богатый) человек может служить высоким целям — помогает родным, бедным, армии и вообще государству; со своей стороны, император отмечал, что Бу Ши безыскусствен и предан, никогда не действовал во имя выгоды и что он верен долгу¹⁷. Если сопоставить это с отрицательным отношением Бу Ши к погоне чиновников за выгодой, будет ясно, насколько его трактовка вопроса о

казенных монополий близка к конфуцианской трактовке в духе школы Гуньян (ср. ниже).

Заявление Бу Ши, что если сварить Сан Хун-яна живым, то Небо пошлет дождь, следует воспринимать не как метафору. Согласно распространенным в тот век воззрениям, мир представлял собой единый континуум, в котором, по мнению феноменалистов, действия людей (в первую очередь государя) влиять на природу, вызвали ее ответную реакцию. Наступление засухи феноменалисты объясняли тем, что в космосе возобладало «светлое начало» (янь [22]); как полагали, она могла быть вызвана, в частности, тем, что воплощающий это начало государь «сух — немилостив», «чинит насилия и жестокости»¹⁸ и т. п. Ритуалисты, среди которых был Дун Чжун-шу, разработали — отчасти на основе народных традиций — магические обряды вызывания дождя путем восстановления равновесия между «светлым» и «темным началом» (*инь* [23]) в космосе¹⁹. Существовало представление, что для восстановления этого равновесия в периоды преобладания «темного начала» следует нападать на всех того же рода, что и это начало, а в периоды преобладания «светлого начала» — быть «забоченным» людьми того же рода, что и это начало.

По-видимому, в предложении Бу Ши сварить живым Сан Хун-яна следует видеть отсылку древних верований, что с помощью человеческого жертвоприношения можно вызвать дождь²⁰. Почему Бу Ши счел Сан Хун-яна человеком того же рода, что и «светлое начало», со всей определенностью сказать трудно. Однако есть указания на то, что казенные монополии (например, монополия на рыбную ловлю) рассматривались феноменалистами как связанные именно со «светлым началом»²¹; в таком случае инициатор различных видов государственного вмешательства в экономику, контролировавший также и казенные монополии, вполне возможно, рассматривался как человек одного рода со «светлым началом» (воплощением которого в обществе был император).

Третье известное нам выступление против монополий на соль и железо — это представление трону доклада Дун Чжун-шу ок. 104 г. (?) до н. э.²² В своем докладе знаменитый философ школы Гуньян противопоставил древние экономические «установления божественных властителей и царей» нововведениям, которые были осуществлены в государстве Цинь [24] в результате реформ Шанского Яна [25] в середине IV в. до н. э.

По Дун Чжун-шу, древние государи, «взвзяв с народа налог на продукты, не превышали [норму] в одну десятую [урожаия], и было легко удовлетворить их требования; исполняя народ на работах, не превышали [срок] в три дня, и было легко обеспечить их работниками». Напротив, в государстве Цинь, где была уничтожена древняя система «колледзных полей» (*цзин тянь* [26], досл.: «полей, [гра-

ницы между которыми имеют форму иероглифа [„колодец“]²³, развились частная собственность на землю, казенная монополия на ресурсы «рек и озер», «гор и лесов», полярная имущественность, богатство и роскошь одних, нищета и тягота других, повинности стали в тридцать раз больше, чем в древности, а «налог с полей, подушная подать с детей и прибавки от соли и железа стали в двадцать раз больше, чем в древности». Люди, обрабатывавшие поля богатых простолюдинов, отдавали тем половину урожая. Если простолюдин в древности был материально в состоянии выполнить долг по отношению к членам своей семьи и к государю, за которым «с радостью следовал», то при Цинь бедняки-простолюдины «постоянно носили одежду, [какой покрывают] быков и лошадей»²⁴, и ели пищу, [какой кормят] собак и свиней», к тому же подвергались необоснованным наказаниям со стороны жестоких и алчных чиновников; они бежали в леса и горы и становились «грабителями и разбойниками», а в стране было огромное число осужденных.

Описав ситуацию в государстве Цинь, Дун Чжун-шу отметил, что «когда возвысилась [династия] Хань, она последовала [за своей предшественницей] и еще ничего не изменила». Он наметил путь постепенного перехода к экономическим порядкам древности: «Хотя было бы трудно действовать в полном [соответствии с] образцом древних „колодезных полей“, следует мало-помалу приближаться к [тому, что было в] древности: ограничить поля в [частном] владении простолюдинов, чтобы обеспечить тех, кому не хватает; закрыть дорогу тем, кто объединяет и совмещает в одних руках [прибыли от] разных занятий, а также землю и прочее имущество бедняков; вернуть соль и железо простому люду; отказаться от рабов и рабства; отменить такой [способ] вселять страх, как убийства по собственному произволу²⁵; уменьшить сбор налогов, сократить трудовые повинности, чтобы дать простор силам простолюдинов [для работы на себя, лишь] после этого можно будет хорошо устроить [людей]»²⁶.

Таким образом, для Дун Чжун-шу современные ему казенные монополии на соль и железо ассоциировались с «путем» Цинь и противопоставлялись идеальному пути «божественных владителей» и «царей» древности. Упразднение этих казенных монополий и оживление стихийной экономической жизни он предлагал сочетать с некоторым относительным «выравниванием» имущественного ограничения частной земельной собственности, созданием прелестей на пути к чрезмерному обогащению частных «монополистов», обеспечением малоимущих.

На несколько иных позициях стоял его ученик историк Сыма Цянь [27] (145?–87? гг. до н. э.). Правда, критики казенных монополий на соль и железо, выраженной прямо, от первого лица, он не оставил. Но он использовал цитированное выше заявление Бу Ши против Сан Хун-яна и торговой деятельности чиновников, чтобы

выразить собственную точку зрения²⁷. Он возражал против государственного вмешательства в экономику; его взгляды были связаны с особенностями его электической философии даосского толка, в частности, с даосскими концепциями «недеяния» (у *эй* [28]) правителя, государства «умения» соотнобразовываться [с обстоятельствами времени, природой вещей и чувствами людей] и приспособляться к ним» (*инь сянь* [29]) и «спонтанности», или того, что происходит так само собой» (*цзы жэнь* [30]). Сыма Цинь был более последовательным противником вмешательства государства в экономику, чем Дун Чжун-шу и даже даосские авторы «Ляо-цзы [31]», отвергая государственную деятельность по уравниванию имуществ и выступая в известной мере с апологией крупных богачей, а также отказываясь от искусственного навязывания обществу древнего идеала управления и — в этой связи — от ограничения природных стремлений людей к богатствам, наслаждениям и почестям²⁸.

При Чжао-ли [32] (87–74 гг. до н. э.) произошло крупнейшее выступление конфуцианских ученых против политики казенных монополий на придворной дискуссии 81 г. до н. э. Тем не менее инициатором этой дискуссии был не конфуцианский ученый, а специалист по «законам и статутам», сын одного из крупных «жестокых чиновников» Ду Янь-нянь [33] (права, известный «великодушным и добротным»). Он «вышел, что [глава] государства и [правящего] дома принял в наследство [правление] после расточительства и чрезмерных трат, [посылки в походы] полков и батальонов божественным владителем У, он неоднократно говорил великому воююде [Хо] Гуану [34], что богатые урожаи не посылали много раз подряд, что люд, бежавший [с насильственных мест], еще не весь вернулся»²⁹ и что следует осуществлять [такое же] правление, [какое было] во времена Почтительного к родителям Ваня [35], явить [людям] бережливость и умеренность, великодушие и мягкость, следовать [вселенной] сердца Неба, удовлетворять стремления народа, — и ответом [Неба на это] должны будут стать богатые урожаи. [Хо] Гуан являл его советам, рекомендовал достойных и хороших людей, которые обсудили упразднение [казенных учреждений, выдающих] монополий на [приготовление и пролажу] опытных знатоков, солью и железом; все это началось по почину [Ду] Янь-няня»³⁰.

В аргументации Ду Янь-няня небезынтересно отметить два обстоятельства. Во-первых, то, что ему, как и некоторым другим его современникам (Сыма Цяню, в какой-то мере конфуцианским участникам дискуссии 81 г. до н. э. и Гун Юю [36]), умственным казалось возрождение мягкой политики Вань-ди (при которой, в частности, простой люд получил возможность «выплавлять железо и варить соль»)»³¹. Во-вторых, что, как и Бу Ши, Ду Янь-нянь связывал неладки в природе (неурожай) с политикой, составной частью которой были казенные монополии, обеспечивавшие обильные траты

правительства, в частности на военные нужды; с его точки зрения, такая политика нарушала космическую гармонию, и неврожаи были знаменами — откликами Неба на протипные миропорядку действия императора; при изменении поведения правителя в направлении, соответствующем миропорядку, им должны были сменить благие знаменания — щедрые урожаи.

Таким образом, к концу 80-х гг. до н. э. при дворе существовала достаточно могущественная группировка во главе с регентом Хо Гуаном, которая подготовила выступление против политики казенных монополий, одновременно направленные против десятилетиями связанного с этой политикой «сановника-императорского секретаря» Сан Хун-яна³² и его сторонников. Исследователи прослеживают предысторию этой борьбы еще в царствование У-ди³³. Политическая вражда двух придворных группировок привела к тому, что первая из них обратилась за поддержкой к силам, находившимся вне двора — образованным людям из провинции.

Если Ду Янь-нянь давал советы Хо Гуану около 83 г. до н. э., то в июле—августе 82 г. до н. э. последовал императорский эдикт — совершенно явно инспирированный Хо Гуаном под влиянием разговоров с Ду Янь-нянем: государю тогда было не более 13 лет, и он едва ли сам диктовал эдикт, повелевающий, «чтобы три помощника и великий министр церемоний рекомендовали по два достойных и хороших человека (*сянь лин* [37]), а округа и [удельные] государства — каждый по одному человеку [из числа знатоков писаний (*энь сяо* [38]), отвечавших на вопросы к экзаменуемым по] всякому разряду». Этот эдикт мотивировал приказ рекомендовать ученых необходимостью компенсировать несовершенство личности монарха и, следовательно, использовать старую ханскую концепцию, поощрявшую критику, и связанный с ней институт выдвижения кандидатов на должности³⁴. Оба разряда упомянутых в эдикте ученых нуждаются в пояснениях.

Еще в январе 178 г. до н. э. Вэнь-ли издал эдикт, одна из целей которого заключалась в поощрении критики политики центрального правительства. Там предлагалось повсеместно «рекомендовать [Нам] достойных и хороших, прямых и честных людей (*сянь янь фан чэжи* [39]), которые способны исправлять. Наши недостатки»³⁵. Термин «достойные и хорошие, прямые и честные люди» отсылал высокие моральные качества тех, в ком нуждался двор³⁶, нередко (как в 82 г. до н. э.) вместо него использовался термин «достойные и хорошие люди», указывавший на добродетели, ценные, в частности, конфуцианцами³⁷. Оба термина многократно употреблялись в призывах двора рекомендовать ему кандидатов на должности³⁸. Сперва в числе рекомендованных были не только конфуцианцы, но и приверженцы других школ, например легистов и «дипломатов». «Достой-

ными и хорошим человеком» был эклектик Чао Цю [40], занимавший первое место на испытаниях 165 г. до н. э., который считается при Хань легистом³⁹. При У-ди началась «конфуцианизация» состава «достойных и хороших людей»: по совету своего канцлера У-ди не использовал на службе тех из них, рекомендованных в соответствии с эдиктом от 1 ноября 141 г. до н. э., которые оказались приверженцами легистов Шэнь Бу-яда [41] и Хань Фэя [42], «дипломатов» Су Циня [43] и Чжан И [44]⁴⁰.

Иногда рядом с «достойными и хорошими людьми» в ханьских текстах упоминаются «знатоки писаний», которых тоже старался привлечь двор: так было, например, в 165, 141, 134 (?), 130, 122 (?), в период с 86 по 75, в 82 и 73 гг. до н. э.⁴¹. Конфуций назвал «знатоками писаний» двух своих учеников. Сюнь-цзы [45] подчеркивал, что, не накопившая знания писаний, нельзя занимать пост чиновника⁴². Как отмечал Янь Шин-ту [46] (581—645), *энь сяо* значит «люди, изучившие классические писания»; Ван Ли-чи [47] привел ряд доводов в подтверждение того, что это были конфуцианцы⁴³. При Хань термин «знаток писаний» указывал на чиновничью должность, существовавшую как в некоторых министерствах, так и в округах⁴⁴. Со 124 г. до н. э. ряды «знатоков писаний» стали пополняться через систему ученичества у «ученых обширных знаний» (*бо янь* [48]), под чьим руководством рекомендованные местными властями и отобранные «великим министром церемоний» (*тай чан* [49])⁴⁵ студенты овладевали конфуцианскими классическими книгами⁴⁶.

И «достойных и хороших (или: достойных и хороших, прямых и честных) людей», и «знатоков писаний» по императорскому эдикту рекомендовали высшие чиновники в центре и на местах (в округах), а также государь (и их помощники) в удельных царствах для прохождения испытаний в столице, писания ответов на письменные вопросы императора. Во всяком случае, сохранились сведения, что ответы писали «достойные и хорошие люди», а «великий министр церемоний» доказывал по результатам монарху, после чего достойные получали должности. Самые ранние известия нам письменные испытания этого типа датируются 165 г. до н. э.⁴⁷

Ван Ли-чи доказывает, что к числу «достойных и хороших людей», рекомендованных в 82 г. до н. э. «великим министром церемоний», отнеслись два конфуцианца, известных по именам — «учитель Тан из [местности] Маолин [50] и будущий канцлер Вэй Сян [51] из уезда Пинлин [52]⁴⁸, так как обе местности были в то время под контролем этого министра, поскольку все уезды, где находились императорские усыпальницы (*лин* [53]), до 40 г. до н. э. подчинялись ему⁴⁹. Со своей стороны добавим, что рекомендация «знатоков писаний», видимо, могла не вес, а только «внутренние округа» и удельные царства, находившиеся на территории «государ-

ства центра» («жуи ло [54])⁵⁰, «знатоки писаний», рекомендованные в 82 г. до н. э., были родом из «страны к востоку от горы [Хуа [55]], и из них известны по именам трое конфуцианцев: «учитель Вань из [удельного государства] Лу [56]», «Лю Цан-юн (или Лю-цзы) из [удельного государства] Чжуншань [57]» и «учитель Чжу из [округа] Цаоцзян [58]».⁵¹

Таким образом, рекомендованные ученые представляли провинции, несущие на себе бремя военных расходов, но непосредственно не подвергавшиеся набегам со стороны сюнну. Именно от жителей этих провинций группировка Хо Гуана могла ожидать оппозиции экономической политике, построенной в расчете на обеспечение расходов для войны с сюнну. Из текста эдикта 82 г. до н. э. явствует, что все рекомендованные ученые должны были быть конфуциански образованными: Чжао-ди объяснил нужду в них тем, что недостаточно хорошо понимают конфуцианские сочинения «Сяо цзин [59]», «Лунь юн [60]» и «Шань шу [61]».⁵²

Как и в других случаях, «достойные и хорошие люди» (и, вероятно, «знатоки писаний») отвечали в 82–81 гг. до н. э. на экзаменационные вопросы, написанные на связках бамбуковых дощечек. Вэй Сян в качестве «знатока писаний» или (как полагает Ван Ли-ши) в качестве «достойного и хорошего человека» ответил на экзаменационный вопрос о «приобретениях и потерях», поставленный «великим воеводой Хо Гуаном»⁵³, этот ответ не вошел в «Янь те лунь». Но в этом трактате «знаток писаний» говорит: «Его Величество... приказал ученым — достойным и хорошим людям и знатокам писаний из округов и [удельных] государств — на почтовых колесницах отправиться в [ведомство] казенных колесниц, [чтобы] ... [в своем ответе] на вопросы к экзаменующимся, написанные на связках бамбуковых дощечек, в порядке указать различия между бесполезностью и опасностью, пользой и вредом»; «Учителя в своих ответах на [вопросы к экзаменующимся, написанные на] связках бамбуковых дощечек, [шли по] разным дорогам, но пришли к тому же!». «Сановник», по-видимому, шутит императорский эдикт с вопросами к экзаменующимся: «В [вопросах к экзаменующимся, изложенных на] связке бамбуковых дощечек с эдиктом, сказано: „Мы радуемся ученым, обитающим в пространстве между Небом, Землей и четырьмя странами света, поэтому приглашаем всех незаурядных и выдающихся, знающих писания и широко образованных ученых, [живущих в Поднебесной] по четырем сторонам [от столицы], они продвигнутся [по службе и получат] должности с [соответствующим] жалованием, пересякая через [несколько степеней раз]»».⁵⁴

Ван Ли-ши считает, что в словах трактата «тогда наконец прекратились обсуждения» подразумевается устный диалог, а в словах «преувеличили (остановили) чы [62]» — письменные ответы на вопросы к экзаменующимся, ибо чы значит нечто письменное. По его мнению,

слова «Хань шу» «В то время они возражали друг другу, и было много текстов их обсуждения»⁵⁵ относится только к записям дискуссии 81 г. до н. э.; эти тексты существовали наряду с письменными ответами на вопросы к экзаменующимся, которые к дискуссии 81 г. до н. э. относятся не имели и в «Янь те лунь» не вошли.⁵⁶ Это мнение, основанное на значении чы «документ», не бесспорно; в другом контексте это слово скорее значит «устное выступление, речь»⁵⁷. Более того, чы в другом месте «Янь те лунь» означает именно устное выступление участника дискуссии 81 г. до н. э. (до фразе «распорочный произносил свои речи (чы)»⁵⁸).

Про дискусию о «соли и железе» известно следующее. В марте–апреле 81 г. до н. э. императорский эдикт повелел «[чиновникам], имеющим собственное владение, спросить достойных и хороших людей и знатоков писаний, рекомендованных округами и [удельными] государствами, о том, отчего страдает и мучается народ. Они обсудили упразднение [казенных учреждений, веляющих] солью и железом и монополий на продажу [опьяняющих напитков]».⁵⁹ Ван Юй-цзюань [62а] указывает, что эти ученые высказали свое мнение на расширенной «приватной конференции»⁶⁰. Со стороны правительств в дискуссии приняли участие «канцлер» Тянь Чинь-шю [63], «сановник-императорский секретарь» Сан Хун-я, их подчиненные (в «Янь те лунь» их представляют собирательные образы «лица канцлера» («ин сан ши [64]) и «императорского секретаря» («юй ши [65])). С другой стороны в ней участвовало более шестидесяти «достойных и хороших людей» и «знатоков писаний»⁶¹.

Резюме этой дискуссии, принадлежащее исторiku Бань Гу [66] (82–92), подчеркивает лишь главнейшие тезисы сторон: «Когда бо-жественный взыскатель Чжао возшел на престол, то в шестом году [первога его правления под названием] Ши юань [67] эдикт [повеле-]л округам и [удельным] государствам рекомендовать ученых — достойных и хороших людей и знатоков писаний, которых спросили о том, отчего страдает и мучается народ, и о важнейшем в нравствен-ности и духовном преображении [людей]. Все они отвечали, что желатель-но, чтобы [государь] упраздил казенные учреждения, [вкла-]дывая соль и железо, монополий [на приготовление и продажу] опьяняющих напитков и уравниванием перевозок [налоговых по-]ступлений)» чы [он не соревновал с [народом] Поднебесной в [пого-]не за] выгоду, явил ему [пример] бережливости и умеренности, — лишь тогда можно будет возродить нравственность и духовное преобразование [народа]. Сан] Хун-я резко возражал им; он полагал, что эти [учреждения] — важнейшее занятие [главы] государства и [правящего] дома, то основное, с помощью чего он подчиняет вар-варов и [68] четырех [стран света], дает безопашатым [жителям] гра-ни и обеспечивает средства [казны] для расходов, и что их нельзя упразднить»⁶².

Дискуссия о казенных монополиях закончилась совместным докладом Сан Хун-яна и Тянь Цянь-шоу, в котором оба министра просили об упразднении в округах и уездных государствах «казенных учреждений», [ведущий] монополий на продажу [опыляющих напильков], а также о ликвидации «казенных учреждений, [ведущих] железом» на территории столичной области «путьри застав» (Туань нэй [69]), т. е. в землях, расположенных к западу от заставы Янгу [70] в нынешней провинции Шэньси. В августе 81 г. до н. э. этот доклад был одобрен⁶³. От дискуссии остался «текст обсуждения», содержавший возражения спорщиков сторон.

Следующим по времени выступлением по вопросу о казенных монополиях на соль и железо и обо всей связанной с ними политике, по-видимому, следует считать создание трактата «Янь те дунь». Его автор Хуань Куань (второе имя Цы-гун [71]), родом из округа Жуань [72], специалист по «Комментариям Гунъян» к «Веснам и осеням», во времена Сюань-ди [73] (74–48 гг. до н. э.) был рекомендован на должность «чина охраны, несущего службу в» галереи [дворца], а затем дослужился до «помощника великого благодетеля [округа] Луцзян [74]». Обладая широкой эрудицией и хорошим слогом, он использовал распространенный («во множестве имевшийся») в то время «текст обсуждения» 81 г. до н. э., «развил и сделал пространство [записи] обсуждения [казенных монополий на] соль и железо, дополнил [исключенные в] ней возражения [се] разделов, до предела развил [исключенные в] ней возражения в споре и написал несколько десятков тысяч слов. Он также хотел таким путем до конца выяснить здесь, [в чем состоит] порядок и суть, и создать образец, [введенный] одной школой»⁶⁴. По данным 1-го трактата Хуань Куаня делится, как и сейчас, на 60 «глав-связок bambukovykh дощечек»; по сведениям VI в., они были к тому времени уже собраны в 10 «свитков»⁶⁵.

Приведенная цитата о работе, выполненной Хуань Куанем как автором, заслуживает некоторых пояснений. Фраза «развил и сделал пространство [записи] обсуждения [казенных монополий на] соль и железо», вероятно, указывает в первую очередь на то обстоятельство, что сама дискуссия 81 г. до н. э. занимает лишь 41 главу трактата и кончается упомянутым выше докладом трону; далее следуют главы, сообщившие о продолжении спора между сторонами, когда «достойные и хорошие люди» и «знатоки писаний» пришли проситься к «канцлеру» и «сановнику-императорскому секретарю». Эти главы Хуань Куань, видимо, и добавил к первоначальному тексту дискуссии. Если считать, что в основу сорока одной главы трактата лег «текст обсуждения» 81 г. до н. э., то на чем основывался Хуань Куань при создании остальных глав трактата – неизвестно; по мнению китайских комментаторов, продолжение спора должно было на

самом деле иметь место, и Хуань Куань дал в своем трактате приказанный ответ об этом реальном событии⁶⁶.

Фраза, которую мы только что пытались истолковать, конечно, может указывать и на другие добавления, сделанные Хуань Куанем к «тексту обсуждения», например, на развитие им аргументов спорящих. Но такие добавления, как кажется, скорее подразумеваются словами «до предела развил [исключенные в] ней возражения в споре» («и выше»). Сейчас трудно сказать, что в сорока одной главе трактата восходит к первоначальному «тексту обсуждения» и что было добавлено Хуань Куанем, видимо, в целом следует считать, что основные мысли каждого из выступлений восходят к «тексту обсуждения» 81 г. до н. э., а часть исторических примеров и конкретные дополнительные соображения могли быть добавлены Хуань Куанем. Кроме того, есть основания думать, что этот автор не развивал аргументов оппонентов конфуцианских ученых, во всяком случае, Сан Хун-яна. Как логично предполагает Го Мо-жо [74а], Хуань Куань, крайне отрицательно относившийся к Сан Хун-яну, не мог «развивать и делать пространство», «дополнять и расширять» его высказывания⁶⁷. Возможно, что именно стараниями Хуань Куаня развивать только конфуцианские высказывания объясняется хотя бы часть те обстоятельство, что речи «знатока писаний» и «достойного и хорошего человека» в «Янь те дунь» занимают значительно больше места, нежели слова их оппонентов.

Можно попытаться реконструировать отдельные отрывки конфуцианских выступлений, восходящие к «тексту обсуждения» 81 г. до н. э. Дело в том, что в ряде высказываний трактата иногда повторяются слова оппонентов, но с другой интонацией, как это характерно для «чужого слова» в диалоге⁶⁸. Такие повторяющиеся слова, как правило, можно рассмотреть как восходящие к «тексту обсуждения» 81 г. до н. э. и в конечном счете – к диалогу реальных участников этого обсуждения. Во-первых, они содержат также и в высказываниях Сан Хун-яна и, следовательно, их вряд ли добавил от себя Хуань Куань. Во-вторых, иногда одни и те же повторяющиеся слова встречаются в разных главах трактата. Между тем существенное деление на главы принадлежит Хуань Куаню (как сообщалось выше, он «дополнил и расширил [состав] названий разделов» первоначальной записи обсуждения). В таком случае наличие в разных (обычно соседних) главах одних и тех же повторяющихся слов можно объяснить тем, что Хуань Куань, делая прежде нерасчлененные отрезки текста на главы, иногда игнорировал диалогические связи между отдельными высказываниями оппонентов (выраженные в явлении повторяющихся слов) и включал эти высказывания в разные главы. Например, гл. 6 трактата кончается словами «знатока писаний»: «Оттого страдают и мучаются сто кланов; вот чем озабочены [своей доктриной] конфуцианские уче-

ние⁶⁸», а первое высказывание «сановника» в гл. 7 завершается фразой: «Отчего же мучится ста кланам и чем был забоченым знатоку писаний?»⁶⁹ Поскольку Хуань Куань стремился, чтобы каждая глава оканчивалась конфуцианским высказыванием (см. ниже), он кончил гл. 6 словами «знаток писаний», а ответом «сановника» начал гл. 7. *Воспеление этого диалогическая связь между обоими высказываниями в контексте трактата является избыточной; следовательно, она не была создана Хуань Куанем, а восходит к использованному им источнику, т. е. к «тексту обсуждения» 81 г. до н. э.*

Кроме того, что Хуань Куань добавил к этому тексту гл. 42–60, расширил конфуцианские высказывания, более подробно разбил текст на главы, число которых (равно как и число их названий) увеличилось, он ввел еще одно существенное изменение: ограничил количество спорящих всего шестью фигурами. Из шести только двое — «канцлер» и «сановник» (т. е. «сановник-императорский секретарь») — исторические лица — Тянь Цянь-цзю и Сан Хун-ян; остальные четверо — «достойный и хороший человек», «знаток писаний», «писец канцлера» и «императорский секретарь» — являются собирательными образами реальных участников дискуссии — конфуцианских ученых, с одной стороны, и подчиненных «канцлера» и «сановника-императорского секретаря», с другой⁷⁰.

Трактат Хуань Куаня написан в форме диалога и воспроизводит реально имевший место диалог сторон. Но автор, обработавший текст дискуссии 81 г. до н. э., не остался безразличным к позициям сторон и использует диалог в своих целях для создания «образа, [внешнего] одной школы». Поступая так, он пишет произведение в полемическом жанре «спор, или обсуждений», особенностью которого состоит в том, чтобы, используя приемы древнекитайского спора, в том числе диалог спорящих, доказывать правоту своих взглядов и опровергать взгляды предшественников (оппонентов). Ранее в этом жанре писал даосско-легистский мыслитель Хань Фэй⁷¹; в отличие от него Хуань Куань использует диалог спорящих для установления истины с позиций последователя конфуцианской комментаторской школы Гуньяна. Поэтому его симпатии неизменно на одной, а именно конфуцианской, стороне, а его произведение следует признать монологическим; далее мы попытаемся выделить в нем монологические моменты.

Симпатии Хуань Куаня ошутыми в расположении материала и в лаконичных авторских ремарках, нередко перебивающих речь спорящих. Он строит почти все 61 глав своего труда так, что последнее слово остается за конфуцианскими учеными⁷² (этим композиционно подчеркнута, что они правы и что их высказывания выражают точку зрения автора трактата).⁷³ Точно так же он не упускает случая отметить в своих ремарках, что «сановник» или его единомыш-

ленники испытывали отрицательные эмоции, вызванные критикой их оппонентов (например, смущение, замешательство, огорчение, обиду, стыд), и как-то проявили это внешне (изменились в лице и т. п.); в особенности часто он отмечает, что правительственные чиновники промолчали, не сумев ответить на тот или иной аргумент своих конфуцианских оппонентов, и дает тем самым понять, что ответить было нечего.

В названиях глав, как уже говорилось, хотя бы отчасти сочиненных Хуань Куанем, тоже иногда ошутима его конфуцианская позиция. Таковы, как нам кажется, названия «Усердно пахать» (гл. 2), «Восстановить древние [порядки]» (гл. 6); «Осуждение [Шанского] Яня» (гл. 7), «Поношение учения [Ли Сы]» (гл. 18), «Следовать пути» (гл. 23), «Незавидеть личность» (гл. 33), «Отодвинуть на задний план наказание» (гл. 34), «Чтить нормы поведения» (гл. 37), «Упреки [династии] Цинь» (гл. 44), «Поведам о совершенных мудрецах» (гл. 58) и, быть может, некоторые другие.

Но, кроме того, трактат имеет своеобразный эпilog — последнюю главу, целиком отведенную суждению некоего «гостя», чьими устами прямо высказана точка зрения Хуань Куаня на дискуссию 81 г. до н. э.: «Министры знали, что, полагая на военное начало, можно расширить земли, но не знали, что, распространяя внутреннюю духовную силу, можно побудить прикнуться к себе пребывающих далеко; знали, что [погода за] могуществом и выгодой можно увеличить средства для расходов, но не знали, что посевом и жалтой можно сделать государство богатым. Если „пребывающие близко с любовью прильмают [к государю], а пребывающие далеко радуются его внутренней духовной силе“, то чего он не завершит из того, что делает, чего он не получит из того, что требует? Не пойти по этому пути, а [только и] стремиться к накоплению прибавей и увеличению устрашающего величия, — разве это не заблуждение?»

Таким образом, Хуань Куань описывает столкнувшиеся в дискуссии взгляды конфуцианских ученых и министров в виде ряда оппозиций: почитание «человеколюбия и справедливости» — стремление к «могуществу и выгоде»; путь привлечения «пребывающих близко» и «пребывающих далеко» к императору с помощью распространения его «внутренней духовной силы» — путь «накопления прибавей и увеличения устрашающего величия»; опора на «военное начало» для «расширения земель»; земледелие как способ обогащения государства — погоня за «могуществом и выгодой» как способ увеличения казенных средств; образец, явленный династией Чжоу [75], — пример, показанный династией Цинь⁷⁴.

Некоторые суждения об отношении Хуань Куаня ко взглядам спорящих могут быть поспорены на характеристик, которые Хуань Куань дает участникам дискуссии — отдельным конфуцианским ученым, с одной стороны, и Сан Хун-яну и прочим чиновникам, с

другой. Он высоко отказывается от моральных качеств конфуцианцев, их страстной принципиальности, их неприязненной критике в адрес оппонентов, их стремления изменить мир. Он дает неоднозначную оценку «сановнику», возлагая ему долговое за зрелищем и умение спорить, но осуждая его за взгляды, отличные от конфуцианских, за то, что он «знал мал не тот пост и осуществлял не тот путь», отчего и сам погиб, и свой клан погубил. Он презрительно отказывается от «канцлера» Тянь Цянь-шо, который, занимая столь высокий пост, предположил отмолчать во время дискуссии — «не говори, как „завязанный мешок“»; он резко критикует и подчиненных Сан Хун-яна и Тянь Цянь-шо за неспособность выступить принципиально, за беспроблемную угодливость и лезть по отношению к вышестоящим. На взгляд Хуань Куаня, большое место в конфуцианских рассуждениях занимали древней «путь истинного царя», идея исправления современности и «возвращения к основе», а для Сан Хун-яна были характерны опора на современность, приспособление к переменам, негативное отношение к слепому подражанию древности, отказ от духовного преображения нижестоящих с помощью истинного пути и от того, чтобы прельщаться их естественной склонности устремиться в погону за выгодой. При этом симпатии автора трактата всецело на стороне конфуцианских ученых.⁷⁶

Дата написания «Спора о соли и железе» неизвестна. Поскольку карьера Хуань Куаня началась при Сюань-ди, то и сочинение его обычно относят к эпохе правления этого императора. Можно предположить, что такое сочинение должно быть написано в годы обострения спора по важнейшим поставленным там проблемам. Однако единственным свидетельством, что при Сюань-ди как-то обсуждался вопрос о казенных монополиях на соль и железо, является императорский эдикт от октября—ноября 66 г. до н. э., снизивший цену на соль. Ему предшествовало несколько других, изданных в 67 и 66 гг. до н. э. и предписывавших провинциальным властям рекомендовать двору ученых для компенсации несовершенства личности императора, быть может, эти ученые, способные «говорить откровенно и увещевать неуклюжню», в какой-то форме и подняли вопрос о казенной монополии на соль.⁷⁷

Однако временем нового оживленного обсуждения вопроса о казенных монополиях, несомненно, являлась эпоха царствования следующего императора — Юань-ди [76] (48—33 гг. до н. э.)⁷⁸ известного своими симпатиями к конфуцианцам и к их учению.⁷⁹

Аннотация первой половины этого царствования изобилует сообщениями о знаменитых (в том числе о стихийных бедствиях) и ответными императорскими эдиктами, содержащими «самообвинения» и призывы к чиновникам рекомендовать двору ученых, способных компенсировать личное несовершенство государя.⁸⁰ То было время, исключительно благоприятное для конфуцианской критики; при

этом внимание критиков было сосредоточено на экономической политике правительства. В этих условиях «конфуцианские ученые, наводившиеся на постах, по большей части горючили, что уместно упреждать казенные учреждения, [ведущие] солью и железом, а также казенное учреждение, [ведущие] обработкой земли [в местности] Байзыя [77], и казенные жатницы для [подготовки] неизменно твердой [цены на зерно, что государю] не [позволяет] соревноваться с народом из-за выгоды. Верховный [правитель] (г. е. Юань-ди. — Ю. К.) последовал их суждению и упразднил все это»⁸⁰. «Казенные учреждения, [ведущие] солью и железом», были ликвидированы в мае—июне 44 г. до н. э.; однако победа конфуцианской точки зрения на монополии государства оказалась временной, т. к. «после этого расходы оказались не обеспечены», и уже в конце 41 г. до н. э. эти учреждения были восстановлены.⁸¹

Трактат Хуань Куаня (если он действительно был написан при Сюань-ди) либо следует считать своего рода предвестником этого обсуждения, либо же его следует датировать первым пятилетием царствования Юань-ди, когда вопрос о казенных монополиях снова встал с особой остротой.

Примечания

¹ См.: МН, т. 3, с. 569—571; Swann, с. 275; Кулирин 1962, с. 118; Kageyama, р. 1, с. 1546.

² ШХЧКЧ, гл. 30, с. 22—23; ср.: МН, т. 3, с. 570—571; Watson 1961, т. 2, с. 90; Сыма Цянь, пер. Ваткина, т. 4, с. 210; а также Swann, с. 275—277. Кроме Кун Шэня и Дунго Синь-яна к введению казенных монополий на соль и железо имел отношение тогдашний «сановник-императорский секретарь» Чжан Тянь [1], который «монополизировал соль и железо Поднебесной» (см.: ШХБЧ, гл. 59, с. 4167; ср.: Chang, с. 19—21).

³ Датирuem на основании: ШХЧКЧ, гл. 30, с. 29—30; МН, т. 3, с. 580—581; Swann, с. 287 и пр.; Тянь Хань шэ, гл. 13, с. 9а—9б.

⁴ См. ссылки в пр. 2; ШХБЧ, гл. 24Б, с. 2053—2054; НГНД, т. 2, с. 68—70. О произношении имени Чу Тая см.: Ван Пянь-чжи, с. 38.

⁵ См.: ШХБЧ, гл. 64Б, с. 4355; ЯТЛ, гл. 10, с. 72.

⁶ См.: ШХБЧ, гл. 64Б, с. 4355—4357; Тянь Хань шэ, гл. 13, с. 9а—9б.

⁷ См.: ШХЧКЧ, гл. 121, с. 15; Watson 1961, т. 2, с. 403.

⁸ См.: Гулянь чжунь, гл. 8, с. 16—2а; гл. 12, с. 10а; ср.: Ро Ну Тунг, с. 222, 278, пр. 73; ЦИФЛ, гл. 5, с. 20. Господин Шэнь не настаивая в «Гулянь чжуня», а учия «Сунди чжуня» [2] («Комментарии Гулянь»), см.: Вэнь Цзы-си, гл. 10, с. 520—524. Но у Сюй Яня были контакты и со школой Гулянь. Так, ученый обширных знаний Чу Тая, одновременно с которым Сюй Янь был послан в инспекционную поездку 117 г. до н. э., являлся учеником Лу Чжуншуня (см.: ШХЧКЧ, гл. 121, с. 29; Watson 1961, т. 2, с. 412; ШХБЧ, гл. 88, с. 5172; ЯТЛ, гл. 10, с. 78, пр. 43). Имена обоих ученых всплывают в связи с вопросом о жертвоприношениях императора Небу и Земле. Сюй Янь вновь показал себя человеком независимой позиции и своим критическим выступлением о выполнении ритуала жертвоприношений вызвал раздражение импе-

ритора, который уволил его в отставку (см.: ШХЧКЧ, гл. 12, с. 33; гл. 28, с. 73; МН, т. 3, с. 498; Сыма Цянь, пер. Вяткина и Таскина, т. 1, с. 273; Сыма Цянь, пер. Вяткина, т. 4, с. 184). Есть известие, что в дискуссии об этих жертвоприношениях Чу Тай был переведен Сюэ Куань [3] и выказан был признатель, что уступает ему; после этого Ни Куань получил должность канонника-инвентарского секретаря, которую впоследствии надлежало занять Чу Тай (см.: ХШБЧ, гл. 58, с. 4159).

¹⁷ Во времена Сюэ-ши [4] (74—48 гг. до н. э.), ок. 65 г. до н. э. формула («согласно») принципу «Всё в одной» — «дела сановник выказывает за границу [государства, в и него] есть что-то, чем можно обеспечить спокойствие государства и [правителю] domu, то самоуправство уместно» была приложена высшими чинами Империи к поступку Фу Чун-ши [5], ханьского посла, достигшего большого успеха для империи благодаря проведению по его инициативе нападения на государство Сюань [6] в Западном крае (см.: ХШБЧ, гл. 79, с. 4837; гл. 98А, с. 5490).

¹⁸ См.: Гуйван чуань, гл. 1, с. 126; гл. 12, с. 11а. Как заявил Чжун Цзюнь еще ок. 123 г. до н. э., в перевождение У-ди [7] (141—87 гг. до н. э.) имело место значение того, что государь «ничего не считает внешним»: боковые ветви удавленного дерева причудливо соединились сверху, знаменуя, что все «примыкает к внутренней [области мира]» (см.: ХШБЧ, гл. 72, с. 4595).

¹⁹ См.: Кроль 1978 (1), с. 53—54.
²⁰ ШХЧКЧ, гл. 30, с. 40; МН, т. 3, с. 595; Сыма Цянь, пер. Вяткина, т. 4, с. 220; ср. ХШБЧ, гл. 58, с. 4154. Мы отметили при переводе слово «прозывать», стоящее перед «покупать», в соответствии с параллельным текстом «Хань шу» (см.: ХШБЧ, гл. 24Б, с. 2060; Swallp, с. 311 и пр. 613).

²¹ ШХЧКЧ, гл. 30, с. 40, 41 (ср.: Сыма Цянь, пер. Вяткина, т. 4, с. 220); ХШБЧ, гл. 24Б, с. 2060; гл. 58, с. 4154 (ср.: Swallp, с. 311, 314).

²² Ин Шэо [8] (ок. 140—208) описывал монополии времен У-ди как торговые: «Во времена божественного вастителя У не в за того, что сфера государства для расхода не хватало, «начальник столичного уезда» стал полностью сам прозывать соль и железо и прозывать опьяняющий напиток» (ХШБЧ, гл. 7, с. 239).

²³ Н. Л. Свани считает, что оба названия налогов следует читать как если бы они составляли сложной термин *чу-шун* [9] и что этот термин обозначает налоги жу, связанные так или иначе с доходами от использования земли (см.: Swallp, с. 319, pp. 629—39; ср. там же, с. 372). Контекст подсказывает, что речь идет о древней практике вимания налогов натурой, т. е. зерном и тканями, ср. призыв Гун Юя [10] в 44 г. до н. э. восстановить эту древнюю практику (см.: Swallp, с. 323 (и пр. 655), 372). В докладе Гун Юя подчеркивается, что налоги *жу* иди *шун* не торговли и кушань, а только земледельцев, *дэнь чу* — это «налог зерном», а *шун* — «налог соломой» (см.: ХШБЧ, гл. 72, с. 4607). При этом древние историки указывают, что сочетанием *чу-шун* назывались налоги на продукты гор и реки, сало и пушное, а также рыночные лавки, поступления которых шли на личные расходы императора и возлагавшиеся на империи налоги влиятельных сановников, пожалованных ленами; и принесли императорского дома (см.: ШХЧКЧ, гл. 30, с. 4; ХШБЧ, гл. 24А, с. 2012; ср.: Сыма Цянь, пер. Вяткина, т. 4, с. 201—202, 320; пр. 7; Swallp, с. 150 и пр. 138).

²⁴ ШХЧКЧ, гл. 30, с. 44; МН, т. 3, с. 599—600.

²⁵ См.: ХШБЧ, гл. 58, с. 4151—4154; ср. там же, с. 4160; ШХЧКЧ, гл. 30, с. 26—28, 39; МН, т. 3, с. 576—578, 594—595; Сыма Цянь, пер. Вяткина, т. 4, с. 212—214, 219.

²⁶ Ср.: ХШБЧ, гл. 27В, с. 2331; Луянь хэн, гл. 45, с. 662; Forke, т. 2, с. 327.

²⁷ См.: ЧЮПД, гл. 74, с. 87—89; Bodde 1964, с. 292—299.

²⁸ См.: Сюэ-ши 247; Луянь хэн, гл. 65, с. 942—943; ср.: Forke, т. 1, с. 246—247; Li, Ki, т. 1, с. 261; Шо чуань, гл. 14, с. 146; Legge, CT, т. 5, с. 179—180; Granet 1930, с. 191.

²⁹ Так, «сановник-императорский секретарь» конфуцианец Сао Ван-чи [11] (106—46 гг. до н. э.) ок. 54 г. до н. э. отмечал, что, по словам стариков, когда во времена У-ди «начальник столичного уезда» (т. е. император) сам завола высылал рыбной ловлей (внимая словам, существовавшим государственным монополия на этот промысел), то в море перестала появляться рыба и повышалась лишь после того, как рыболовство было вновь предоставлено народу; в этом министр упоминает пример того, что на возожении, исходящее от «многого или «светлого» начала, вещи отвечают в зависимости от своего «фона» (т. е. вещи притягиваются к тому началу, с которым они одного «рода», и отталкиваются от противоположного начала) (см.: ХШБЧ, гл. 24А, с. 2027; ср.: Swallp, с. 193—194; Кроль 1974 (III), с. 370—380). Поскольку народ и рыба связаны с «темным началом» (ср.: Кроль 1970 (II), с. 212), остается заключить, что монополия на рыбную ловлю, так же как стоящая за ней «начальник столичного уезда», была связана со «светлым началом». Отметим также, что, по мнению «достойного и хорошего человека» из трактата Хуань Куаня (ЯТД, гл. 36, с. 252; ср.: Штейн, с. 366), упреждение казенных монополий на соль и железо и отказ правительства от установки на могущество и выгоду были одной из предпосылок прекращения наводнений и засух.

³⁰ Основания для датировки этого доклада сравнительно шатки (см.: Swallp, с. 179, pp. 230). Лу Хун-чун [11а] (см.: Хун Чун-чун, т. 2, с. 40) считает, что Дун Чжун-шу представил свой доклад приблизительно между 120 и 115 гг. до н. э. Сюэ Юэ [12] (184—209) приводит этот доклад тогда 119 г. до н. э. (см.: Цянь Хань зши, гл. 13, с. 56—66). Обе даты предшествуют времени выступления Бу Шин.

³¹ См.: Л. Васильев 1961 (II), с. 24—38; Felber 1965, с. 351—359.

³² К экономическим аргументам Я. С. Переломова (см.: Переломов 1968, с. 124, pp. 309) в пользу такого понимания текста добавим указание на комментарий Янь Шин-шу [13] (581—465) и Шэнь Цинь-хэя [14] (1775—1831), выразение но и [15] (досл.: «ложка бабас») означает понону, плетеную из переплетанной пеньки или из травы (во времена Шэнь Цинь-хэя — из рисовой соломы), которая набрасывалась на спину быку для тепла.

³³ *Чжунь ша жэи эди* [16]. Высказывалось мнение, что речь идет о праве на убийство слуг и рабов или только рабов (см.: Swallp, с. 183; Переломов 1968, с. 125). Оно основано на толковании Фу Циня [17] (ок. 125—195): «не имели возможности самостоятельно убивать рабов и рабыни». Между тем закон запрещал убийство рабов без волею властей еще с циньских времен, ср. комментарий того же Фу Циня к «Шин цзи»: «В древности кто убивал раба и рабыню, все должны были уведомить об этом казенное учреждение» (см.: ШХЧКЧ, гл. 34, с. 2; ср.: ХШБЧ, гл. 77, с. 4806—4807). Наказывая за убийство рабов и рабыни зарегистрированы при Восточной Хань (см.: Чун Шу-эя, с. 110). Представляется, что в тексте Дун Чжун-шу речь идет не об убийстве рабов свободными, а вообще о самоуправных убийствах людей теми, кто обладал властью или влиянием. Цун Шин [18] говорил о богатых могущественных домах при Циня, что они «соображали клеветы-искусств фехтовальщиков, чтобы вселить страх (эю) в чернорабочих, убивали по собственному почину (чжунь ша) невинных.» (Ду Юэ, гл. 1, с. 12; ср.: Маливан, с. 29). В «Хань шу» говорится: «Поэтому «способные чиновники», являющиеся таковыми с

точки зрения] юридических и вульгарных [людей], открыто исполняют казни грабителей как [способ] вселять страх (эоэ), те, кто казнят по собственному почину (чжюнь шан), справляются со своими обязанностями, а те, кто выносятся законы, не достигают устроения» (ХШБЧ, т. 23, с. 1996–1997; ср.: Нильсэ; 1955, т. 1, с. 349). Согласно некоторым конфуцианским высказываниям, в государстве вообще не должно быть произвольного предания смерти (ср.: ХШБЧ, т. 100б, с. 5877). Еле Мэн-цзы [19] (см.: Мэн-цзы, с. 287, 288 в [12]) рекомендует не предавать таким образом смерти сановников. Если же в [12] рекомендует не предавать таким образом смерти сановников. Если же в конфуцианском сочинении привнесет за кем-то право предавать смерти по собственному почину, то, в частности, за людьми, по своей природе немилостивыми и воинственными (ср.: Бо хуа тун, гл. 3А, с. 159; По Ну Т'унг, с. 507), такими как «жестокие чиновники». Дун Чжун-шуй писал в еще рангула «жестоким чиновникам», вероятно, его предложение было направлено, в частности, против них.

²⁸ См.: ХШБЧ, гл. 24А, с. 2022–2023; ср.: Swann, с. 179–183; Переломов 1966, с. 123–125; Нюв, с. 163–164. План, аналогичный проекту Дун Чжун-шуй об ограничении количества земли и рабов в частных руках, удаюсь в 7 г. до н. э. осуществить конфуциану Шан Цзяо [20], также идеализированную систему «коллективных полей» (см.: Swann, с. 200–203).

²⁹ См.: Кроль 1970 (II), с. 50–51.
³⁰ См. там же, с. 22, 25–32 (в пр. 47, 73), 93–94. Поэтому представляются в высшее последовательными некоторые высказывания историка, в которых, как кажется, под влиянием конфуцианского учения (быть может, взглядов Дун Чжун-шуй) он считает нужным противопоставить стремлению людей к выгоде воздействию нравственных принципов, норм и наставлений (см. там же, с. 28, 95–97) или же без всякого неодобрения пишет о древних правителях, что те в мирные времена «держали в кисти воюющие и отводили на задний второстепенное, при помощи норм поведения и долга препятствовали [стремлению к] выгоде» (ШХЧКЧ, гл. 20, с. 45; ср.: МЯ, т. 3, с. 601; Сыма Цянь, пер. Вяткина, т. 4, с. 222).

³¹ О том же говорит императорский эдикт от июня–августа 83 г. до н. э., что позволяет датировать выступление Ду Янь-яня примерно 83 г. до н. э. (см.: НФНД, т. 2, с. 158).

³² ХШБЧ, гл. 60, с. 4190.
³³ См.: Кроль 1970 (II), с. 22 сл.; ЯТЛ, гл. 4, с. 30; гл. 7, с. 50; ХШБЧ, гл. 72, с. 4610; ср.: ЯТЛ (ЦШВ), предисл., с. 15 сл.

³⁴ Ср.: НФНД, т. 2, с. 146–147; Го Мо-жо 1956, с. 1–2; Ху Цзы-чуня, т. 2, с. 105–106; ХШБЧ, гл. 63, с. 4290; гл. 68, с. 4466–4469.

³⁵ См.: Лоув 1974, с. 37–117; Чжан Де, с. 71–82; и др.
³⁶ См.: ХШБЧ, гл. 7, с. 238; НФНД, т. 2, с. 159–160; ср. там же, с. 145, 151, 169. Термин «три помехи» (сянь фу [21]) указывал на низачислов трех стихотворных строках (его же название (см.: ХШБЧ, гл. 19А, с. 1127; СХХЯ, с. 325–326; Bielenstein 1980, с. 87, 98, 95, 118); к востоку от Чаньиня [22], к северу от Чаньина [23] и к западу от Вэйчана [24]).

³⁷ См.: ХШБЧ, гл. 4, с. 135; НФНД, т. 1, с. 240–242; Кроль 1970 (II), с. 120–121.

³⁸ Ср.: Bielenstein 1980, с. 133.
³⁹ См.: СШШЦ, гл. 9, с. 115; Кроль 1988 (II), с. 113–114, пр. 41; ЯТЛ, гл. 47, с. 302.

⁴⁰ См.: СХХЯ, гл. 44, с. 451–453 (ср.: НФНД, т. 1, с. 241, 259; т. 2, с. 27, 38, 155, 214, 220, 221, 246, 308, 322, 377, 383, 414, т. 3, с. 36); ДХХЯ, гл. 26, с. 279–281; Ляо Гань 1948, с. 80–81, 82–87, 119–128.

26

⁴¹ См.: ХШБЧ, гл. 49, с. 3766, 3767, 3774; а также ниже, с. 114, пр. 32.
⁴² См.: НФНД, т. 2, с. 27–28.

⁴³ См.: ХШБЧ, гл. 49, с. 3766; гл. 58, с. 4139–4140 (ср.: Чн'а, с. 342); гл. 65, с. 4379 (ср.: Watson 1974, с. 79; НФНД, т. 2, с. 27–28); гл. 56, с. 3991–3792; гл. 24Б, с. 2045 (ср.: Swann, с. 256–257; ШХЧКЧ, гл. 30, с. 14); гл. 89, с. 5180; НФНД, т. 2, с. 27–28 (и пр. 1.6), 38 (и пр. 5.4), 160, 161, 206; Ляо Гань 1948, с. 83, 122–123, 127.

⁴⁴ См.: Legge, CA, с. 238 (XII); СШШЦ, гл. 9, с. 99; ср.: Dubs 1928, с. 121; Кобай 1967 (I), с. 89; Фейертоп, с. 130.

⁴⁵ См.: ХШБЧ, гл. 96Б, с. 5519; ЯТЛ (ЦШВ), предисл., с. 6–8.
⁴⁶ См.: Bielenstein 1980, с. 32, 35, 40, 45, 79, 94, 98, 99, 183, пр. 25.

⁴⁷ См. о нем: Wang Y. C., с. 150–152; Янь Шу-фань, с. 144–153; Кроль 1970 (II), с. 298–299, 309–310; Bielenstein 1980, с. 17–23.

⁴⁸ См.: ШХЧКЧ, гл. 121, с. 9–12; ХШБЧ, гл. 88, с. 5144–5147; гл. 81, с. 4872; гл. 58, с. 4154; Кроль 1970 (II), с. 309, 310; Чн'а, с. 102–104, 356.

⁴⁹ См.: ХШБЧ, гл. 49, с. 3766–3767, 3774; гл. 56, с. 3992; гл. 58, с. 4140, 4141; Wang Y. C., с. 151; Creef 1959, с. 207; Swann, с. 29, 257, пр. 462.

⁵⁰ См.: ХШБЧ, гл. 66, с. 4440; гл. 74, с. 4665; гл. 76, с. 4748–4749.
⁵¹ См.: ХШБЧ, гл. 7, с. 243, коммент. Жэ Шуяня [25] (ок. 189–265); с. 247, коммент. Янь Шао (ок. 140–206); гл. 9, с. 301–302 и коммент. Янь Шу-гу, гл. 83, с. 4939; гл. 19А, с. 1105–1106; ЯТЛ (ЦШВ), предисл., с. 4–6.

⁵² См.: Кроль 1973 (III), с. 18–19.
⁵³ См.: ЯТЛ, гл. 26, с. 193; гл. 60, с. 373; ХШБЧ, гл. 66, с. 4440, 4441.

⁵⁴ См.: НФНД, т. 2, с. 159–160; ср. там же, с. 230–231.
⁵⁵ См.: ХШБЧ, гл. 76, с. 4748–4749.

⁵⁶ ЯТЛ, гл. 6, с. 43; гл. 27, с. 157. Рекомендованные прибавили почтой на передельных в стальной, в ведомство «казенных конюшен», которое давало приют людям, авианшимся по адресу явора на «казенных конюшнях», и в то же время, видимо, было связано с критикой официальной политики, см. ниже, пр. 48 к гл. 6.

⁵⁷ См.: ЯТЛ, гл. 41, с. 276; ХШБЧ, гл. 66, с. 4440.
⁵⁸ См.: ЯТЛ (ЦШВ), предисл., с. 4–5.

⁵⁹ См.: Энь цзун рон, с. 206; ЯТЛЦ, с. 37, пр. 24.
⁶⁰ См.: ЯТЛ, гл. 60, с. 373; ср.: ЯТЛ, гл. 41, с. 276.

⁶¹ ХШБЧ, гл. 7, с. 239; ср.: НФНД, т. 2, с. 160–161.
⁶² См.: Wang Y. C., с. 173–178, с. 175.

⁶³ См.: ЯТЛ, гл. 60, с. 373–374; ХШБЧ, гл. 66, с. 4440–4441.
⁶⁴ ХШБЧ, гл. 24Б, с. 2062; ср.: ХШБЧ, гл. 66, с. 4440; Swann, с. 320–321.

⁶⁵ См. там же; НФНД, т. 2, с. 161–162 и пр. 5.4; ЯТЛ, гл. 41, с. 276.
⁶⁶ См. там же; НФНД, гл. 66, с. 4440 (ср.: Watson 1958, с. 92–93, 224, пр. 34).

⁶⁷ См.: ХШБЧ, гл. 66, с. 4440; комментарий к конфуцианским учениям, собранным в стилистику ок. 82–81 гг. до н. э., спрашивали, «и чем состоит» порядок и смута? Это можно, выраженные и члэ чжи фу [26] значат не образцы [явления] Великой шаолюв», «методы одной школы» (см.: Кроль 1981 (I), с. 54, пр. 10).

⁶⁸ См.: ХШБЧ, гл. 30, с. 3138; гл. 66, с. 4440, коммент. Янь Шя-гу; Суй шу, гл. 34, с. 450.

⁶⁹ См.: ЯТЛ, гл. 41, с. 276; гл. 42, с. 281; Ван Пэй-чжэн, с. 168. Напомним, что для своих добавлений Хуань Куань мог все же использовать материалы экземплярных сочинений участников дискуссии. Были у него и источники четкой информации о ней, по крайней мере один: о ней ему рассказывал его земляк-учитель Чжу (или Чжу Цзы-бо) из [округа] Жуань [27]» (ХШБЧ, гл. 66, с. 4440; ЯТЛ, гл. 60, с. 373).

⁷⁰ См.: Го Мо-жо 1956, с. 2.

27

⁶⁸ Ср.: Бахтин, с. 260 сл.

⁶⁹ См.: ЯТЛ, гл. 6, с. 44; гл. 7, с. 50.

⁷⁰ См.: То Мо-жо 1956, с. 2. Что «достойный и хороший человек» и «знаток писаний» суть собирательные образы — несомненно, ибо соответствующих реальных участников дискуссии было свыше 60. Собирательность образов «писца канцлера» и «императорского секретаря» не столь несомненна, но вполне вероятна.

⁷¹ См. ниже, с. 113, пр. 22.

⁷² Исключение составляют гл. 24, 27, 29, 41, 59 и 60; но в этих случаях либо есть основания сомневаться, что текст дошел до нас в неискаженном виде (см.: Ван Пай-чжин, с. 91, 98, 146), либо последнее слово в дискуссии фактически принадлежит конфуцианским ученым и заключительные высказывания их оппонентов тут ничего не меняют; последняя же, 60-я глава вообще не содержит образов прямой речи тех, кто выступал как участник спора в других главах трактата.

⁷³ Ср.: Кроль 1970 (II), с. 49—51; Кроль 1974 (II), с. 211—212; Кроль 1986 (I), с. 219—225.

⁷⁴ Совершенно неясно, почему Э. М. Гэйл считает, что у нас нет данных, сам ли Хуань Куань написал названия глав в своем трактате или они сочинены позднейшими редакторами (см.: Gale 1931, с. 25, пр. 1). Видимо, названия разделов, вставших в «тексте обсуждения» 31 г. до н. э., сочинил не Хуань Куань, а кто-то до него; но он «дополнил и расширил» эти названия, и нет никаких свидетельств, чтобы кто-нибудь менял или добавлял их после него.

⁷⁵ ЯТЛ, гл. 60, с. 373—374; ср.: ЯТЛ, гл. 1, с. 2; ХШБЧ, гл. 64А, с. 4313.

⁷⁶ См.: ЯТЛ, гл. 60, с. 374.

⁷⁷ См.: HFND, т. 2, с. 220, 221, 222—223, 226—228. В эту же пору (и, возможно, по предложению тех же ученых) были приняты меры для облегчения экономического положения народа, а также осуществлена «конфуцианизация» закона об укравании преступника и проявлена забота о положении заключенных (см. там же и с. 223—225).

⁷⁸ См. там же, с. 285—289.

⁷⁹ См. там же, с. 303, 305, 306—308, 311—315, 317—326.

⁸⁰ ХШБЧ, гл. 24А, с. 2028, ср. с. 2027; Swann, с. 196—197, 195 и пр. 292.

⁸¹ См.: ХШБЧ, гл. 24А, с. 2028; ср.: Swann, с. 199; HFND, т. 2, с. 313—316, 324.